

Д е р м о н т о в с к а я М о с к в а

Москва, Москва!..
Люблю тебя как сын,
Как русский, - сильно,
пламенно и нежно!

1814 год. Москва только начинала оправляться после пожара. На пепелищах воздвигали новые дома, улицы во многих частях города были заново вымощены, и вместо деревянных тротуаров клали большие серые квадратные камни.

В конце апреля в столицу приехал отставной капитан Юрий Петрович Лермонтов с женой Марией Михайловной и тётшей, Елизаветой Алексеевной Арсеньевой. Семья ждала рождения первенца.

Остановились в нанятой на зиму квартире в доме генерала Толя, у Красных ворот.

Подниматься на второй этаж надо было по крутой лестнице, но комнаты были хорошие, светлые, просторные... В средней, не очень большой комнате стены были возведены необычно – полукружьем. Эта комната понравилась Марии Михайловне, и она выбрала её для себя.

Здесь в ночь со 2 на 3 октября Мария Михайловна родила сына.

Желанный сын, любви взаимной плод,
Предмет забот мучительных и нежных,
У них родился.

11 октября мальчика крестили. Из церкви Трёх Святителей были приглашены протоиерей Петров, дьякон Пётр Фёдоров, дьячок Яков Фёдоров. Крестины прошли пышно. Младенца нарекли в честь деда Михаилом.

Весной 1815 года, ещё по санной дороге, молодые Лермонтовы с новорожденным сыном и Е.А.Арсеньева выехали из Москвы в Тарханы. Отныне и Арсеньева и Мария Михайловна желали жить в деревне. С ними вместе ехал московский доктор и новая бонна-немка, Христина Осиповна Ремер.

Няни, кормилица и дворовые покорно сопровождали их.

Закончился первый период московской жизни Михаила Лермонтова.

Вторая встреча с Москвой произошла перед поездкой на Кавказ. Когда бабушка с пятилетним внуком после утомительного путешествия прибыла в Москву, Мишу удивило обилие золотых и размалёванных вывесок на улицах.

Поразило ребёнка и обилие больших домов в Москве. Такие барские дома, как в Тарханах, были здесь на каждой улице.

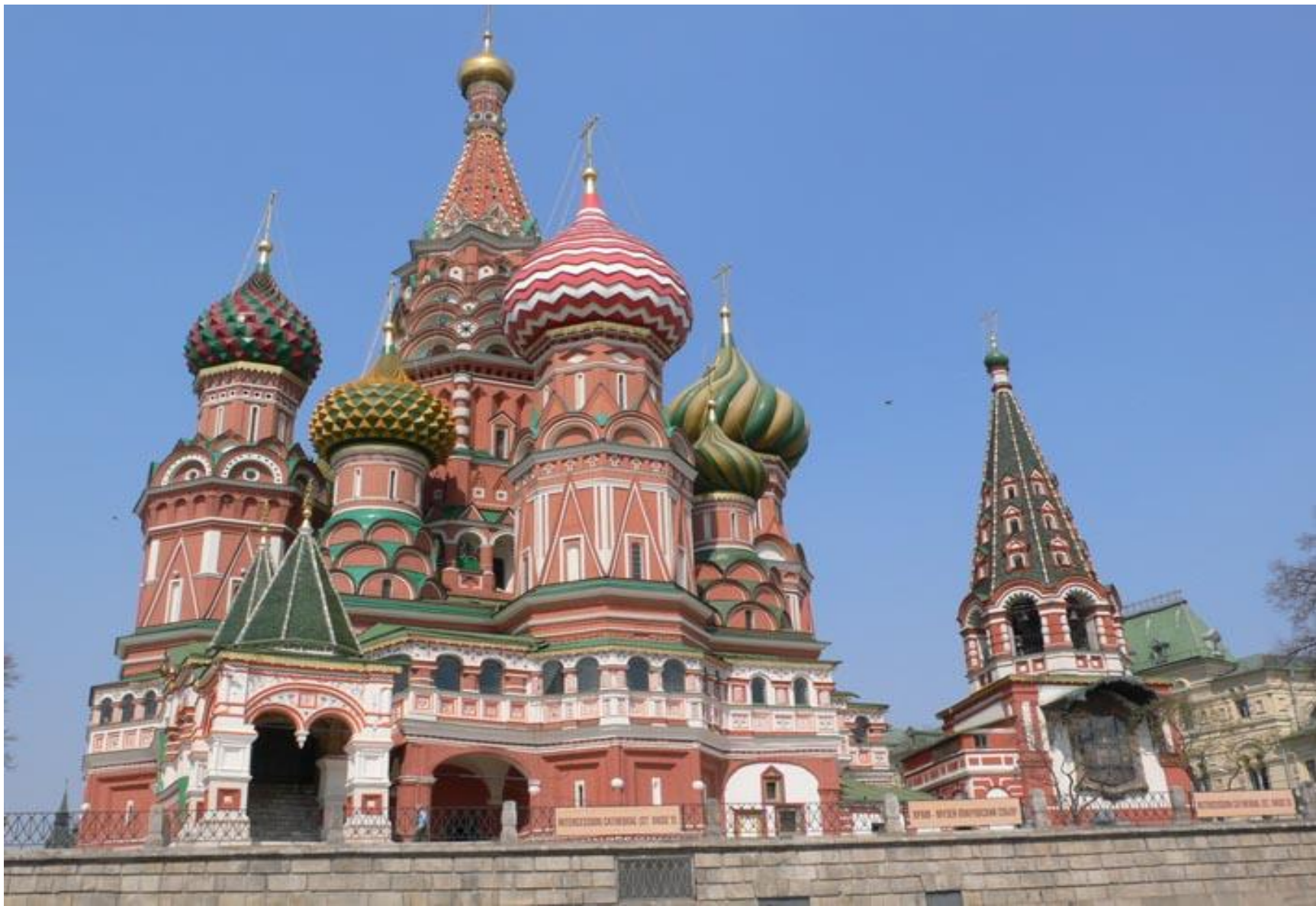
Миша мечтал увидеть Кремль, и по его желанию поехали в центр. Кремль поразил мальчика своей красотой,

А колокольня Ивана Великого изумила его – купол был заметен за
несколько вёрст.

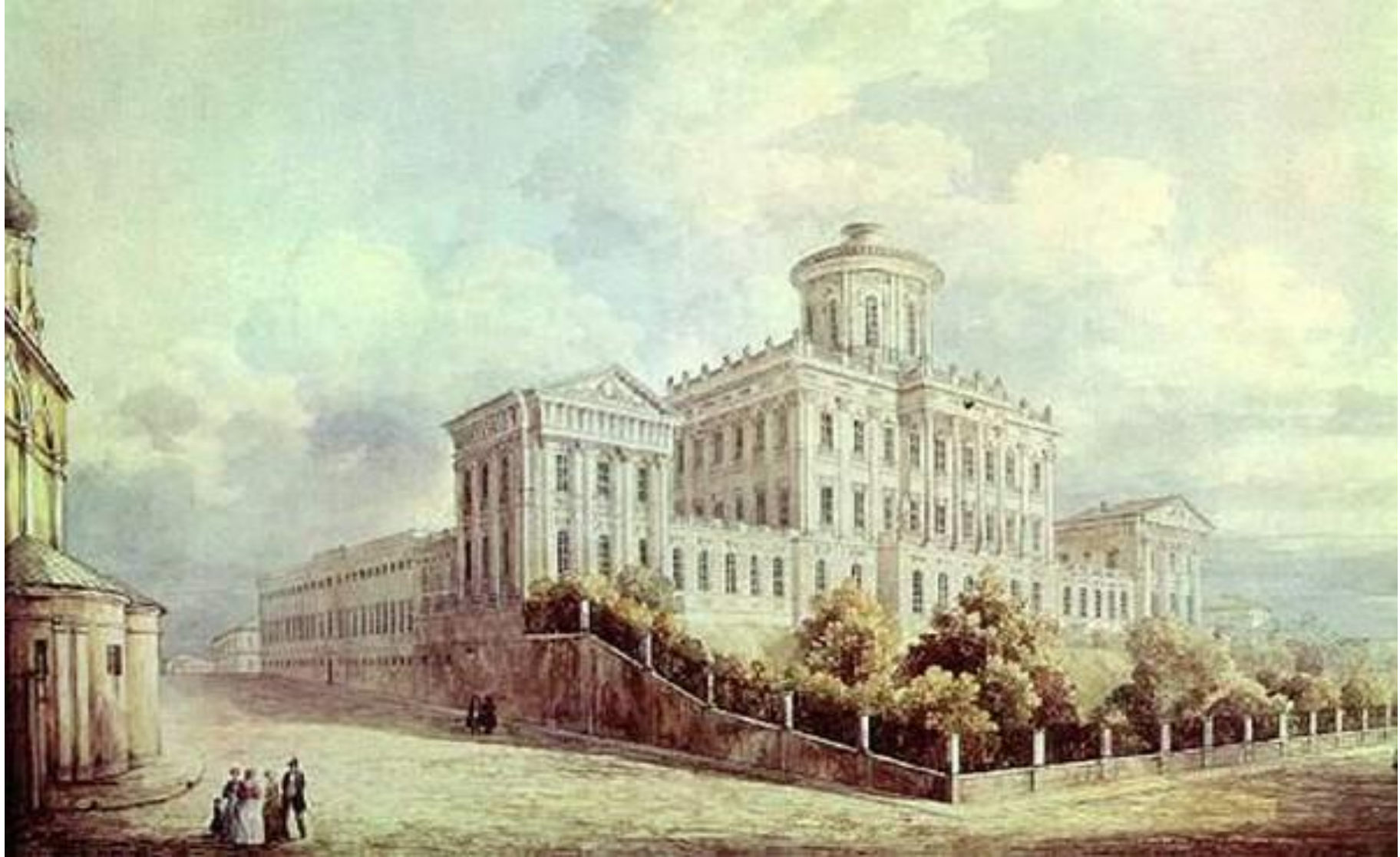

Путешественники долго любовались кремлёвскими стенами, башнями с зелёной черепицей и цветными куполами храма Василия Блаженного.

На следующий день Арсеньева повезла внука показать дом, где он родился. Двухэтажный дом у Красных ворот был с виду хорош, но Миша хотел увидеть комнату, в которой он родился. Войти в дом было нельзя, там жили другие жильцы, и бабушка рассказывала, что Миша родился в круглой комнате.

Елизавета Алексеевна хотела показать Мише настоящий столичный театр и повела его в театр Пашкова на Моховой улице. Спектакль произвёл огромное впечатление на мальчика. Из театра его еле увели.

Однажды Арсеньева повезла внука в зверинец. Миша внимательно рассматривал никогда не виданных им заморских зверей. Забавные обезьянки смешили зрителей своими ужимками; огромный лев недовольно рычал, сурово глядя на любопытных; из угла в угол мягко шагали в своих клетках тигры.

За перегородкой стояло несколько оленей и лосей... Очень понравились они Мише. Хозяин зверинца, заметив, что бабушка с внуком долго стоят у перегородки, предложил им купить зверей. Вместе с Мишей и бабушкой олень и лось отправились в Тарханы.

Следующая встреча с Москвой состоялась осенью 1827 года. Елизавета Алексеевна повезла внука на учёбу в Московский Благородный университетский пансион. По качеству образования и углублённости изучаемых дисциплин пансион приравнивался к Царскосельскому Лицею и считался одним из лучших в России.

1 сентября 1828 года Михаил Лермонтов был зачислен полупансионером – в отличие от пансионеров, он по вечерам возвращался домой, на Малую Молчановку, где они поселились вместе с бабушкой.

Малая Молчановка ул., 2,
метро "Арбатская"

www.openmoscow.ru

Дом-музей М. Ю. Лермонтова Комната М. Ю. Лермонтова

© Карта-путеводитель "Достопримечательности Москвы" тел: 961-18-02 E-mail: apen@list.ru

11 марта 1830 года в пансион приехал император Николай 1. Государь попал в пансион во время перемены, когда ученики бегали по коридору, шумели и возились. Царя никто не узнал и не приветствовал. Разгневанный государь прошёл в актовый зал, куда уже прибежали перепуганные директор и инспекторы. Участь пансиона была решена – он был преобразован в обыкновенную, наполненную муштрой гимназию. Лермонтов так и не завершил курса в пансионе – «смерть московского лицея» произошла у него на глазах.

В августе 1830 года Лермонтов подаёт прошение в Императорский Московский университет:
«... Правление оного покорнейше прошу, включив меня в число своекоштных студентов
Нравственно-Политического Отделения, допустить к слушанию профессорских лекций...».
Университетский курс продолжался три года. Лермонтов вскоре перешёл на словесное
отделение.

Каждый, кто вспоминает Лермонтова тех лет, указывает на то, что будущий поэт много читал. Пустопорожность некоторых лекций восполнялась чтением умных книг из «собственной библиотеки». В университете случались резкие столкновения с профессурой студентов Белинского, Герцена и других. Среди преподавателей университета был профессор Малов, которого презирали студенты, смеялись над ним. Однажды студенты прогнали Малова из аудитории. Руководителям университета удалось представить «маловское дело» обыкновенной студенческой шалостью, а Лермонтову пришлось уйти из университета и навсегда распрощаться с Молчановкой.

Я правды ничем не нарушу,
Сказав, что под стать колдуну,
Он с детства берёт вашу душу
И держит до смерти в плену.
Характер, как порох, –
Не трогай!
Быть может, отсюда и дар?
Но раньше гусарили много,
А он – не бездумный гусар.
По чёрному небу России
Мелькнул он, судья и пророк,
И веру в мятежные силы,
Тоску по свободе зажжёт.
История судит престрого.
Его – опасался и царь:
Бунтарили русские много,
А этот – особый бунтарь.
Под пули его – непоклона!
Убийце – негласный почёт.
Рабы-охранители трона
Не знали, что он не умрёт.
Но скинули деспотов страны,
Потомки рассеяли тьму.
И люди, как в Мекку, в Тарханы
Идут поклониться ему.
Святая для русских дорога...
Законная гордость в груди...
В России поэтов много,
А Лермонтов –
один.